

ИСТОРИЯ ПРИКАМЬЯ

УДК 94(470.5)("04/14")

СПЕЦИФИКА ПРИСВАИВАЮЩЕГО ХОЗЯЙСТВА В ПЕРМСКОМ ПРЕДУРАЛЬЕ В VII - XV ВЕКАХ

Е. А. Жеребцова

Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет, 614990, г. Пермь, ул. Сибирская, 24
kotkat888@mail.ru

Представлены данные, полученные при анализе остеологического материала, собранного в ходе раскопок ряда памятников ломоватовской и родановской археологических культур Пермского Предуралья. С опорой на письменные источники и этнографические данные выделены основные объекты охоты, что помогает определить особенности присваивающего хозяйства у средневекового населения Пермского Предуралья.

Ключевые слова: Пермский край, эпоха Средневековья, присваивающее хозяйство, остеология, охота, рыболовство.

Присваивающее хозяйство – один из четырёх принципов производства, в котором главную роль играют охота, рыболовство и собирательство. «Первыми охотниками Прикамья были люди неандертальского типа, пришедшие в наш край в доледниковый период и оставившие следы своего пребывания в виде стоянок на берегах нижнего течения реки Чусовой» [Белавин, Подюков, Черных, 2014, с. 7]. Об интенсивной охоте в верхнем палеолите у людей современного типа, появившихся на смену первым охотникам в Прикамье, свидетельствуют многочисленные находки костей животных, в том числе со следами обработки. О. Н. Бадер описывает кости животных, найденные в ходе раскопок стоянки имени М. Талицкого. Объектами охоты являлись как крупные животные (мамонт, носорог), так и мелкие (лошадь, косуля, заяц).

В мезолите происходят важные изменения: наступает послеледниковая, современная геологическая эпоха – голоцен. Складываются современные географические зоны, происходит потепление климата, что влечет за собой смену фауны (появляются современные виды животных) и, как следствие, изменение в хозяйстве (появляются новые орудия и способы добычи пищи и шкур). Остеологического материала данной эпохи практически не обнаружено, однако об особенностях присваивающего хозяйства данного периода мы можем судить, анализируя появившиеся в этот период орудия: лук и стрелы, дротики. Охота, рыболовство и собирательство играют ведущую роль в хозяйстве эпохи мезолита [Белавин, Подюков, Черных, 2014, с. 9]. Переход от присваивающего хозяйства к производящему ознаменовала неолитическая революция, хотя охота и рыболовство продолжали играть важную роль в жизни древнего населения Пермского Предуралья и в последующие эпохи. О значении присваивающего хозяйства для жизни средневекового общества свидетельствуют находки специализированных орудий: наконечников стрел и копий, рыболовных крючков, грузил, принадлежностей для бортничества. Каждый полевой сезон пополняет коллекцию подобных артефактов и костей, поэтому их исследование остается актуальным.

В VII – XV вв. этнокультурная общность в Верхнем Прикамье сформировалась из носителей ломоватовской и родановской культур. Выделяются районы расселения носителей ломоватовской, позже – родановской культуры: северный и южный. Рассмотренные в данной статье памятники расположены в южном районе. В XI–XII вв. происходят коренные перемены в хозяйстве Пермского Предуралья – переход к пашенному земледелию [Белавин, Крыласова, 1997, с. 135]. Р. Д. Голдиной исследована ломоватовская культура, дан анализ хозяйства носителей ломоватовской культуры: «Хозяйство ломоватовского населения комплексное, имело развитое мотыжное земледелие, пастушеское скотоводство, охотничий промысел, вспомогательные промыслы – рыболовство и собирательство» [Голдина, 1985]. Изучению родановской культуры посвящены труды В. А. Оборина. Он отмечает, что удельный вес земледелия, скотоводства и добывающих промыслов (охоты и рыболовства) в экономике носителей родановской культуры был примерно равным [Оборин, 1960, с.

223]. В связи с развитием торговли возрастает роль пушной охоты. Об охоте у древних и современных охотников коми можно найти в трудах Н.Д. Конакова, изучившего основные охотничьи орудия и снаряжения охотника коми, выделившего основные объекты охоты, а также ее способы и приемы [Конаков, 1983, с. 36–38]. Таким образом, важная роль охоты и рыболовства в хозяйстве населения Пермского Предуралья отмечена многими исследователями.

Рассмотрим некоторые аспекты охоты и рыбной ловли обобщив данные анализа остеологического материала, полученного в ходе раскопок Камской археолого-этнографической экспедиции Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета на Рождественском городище (2005, 2008–2012), селище Запоселье I (2004–2007), городище Анюшкар (Кыласово) (2005), Калинском селище (2011–2012), Саломатовском городище (2011–2012) и селище Телячий брод (2005), в частности, сотрудниками Института экологии растений и животных УрО РАН П.А. Косинцевым, В.В. Гасилиным, Т.В. Лобановой. Воспользуемся также данными, полученными Е.Г. Андреевой и А.Г. Петренко при анализе остеологического материала городища Анюшкар.

Чтобы составить представление об особенностях хозяйства древнего населения Пермского Предуралья, необходимо охарактеризовать природно-культурные особенности данного региона. Еще в XIV – XV вв. арабский географ Абд ар-Рашид ал-Бакуви, опираясь на материалы средневековых ученых и путешественников, описал седьмой климатический пояс: «В этом климате нет возделанных местностей. Он начинается на востоке, где леса и горы. ...Он проходит по горам Башкырт, к пределам ал-Баджанак, городам Сувар и Булгар, и кончается у моря ал-Мухит» [Абд ар-Рашид ал-Бакуви, 1971]. В.П. Кёппен, Б.П. Алисов, Н.Н. Назаров, Н.А. Ясманов сформировали представления о климатических поясах и описали их особенности.

Предуралье относится к зоне умеренных широт – седьмой пояс, флора и фауна соответствуют особенностям климата. Значительная протяженность Пермского края в меридиональном направлении и расположение в зонах тайги и подтайги делают возможным развитие разных форм хозяйства. Еловые и елово-пихтовые леса, характерные для средней зеленомошной тайги на севере Прикамья, на юге переходят в южную темномошную тайгу – появляются широколиственные леса (липа). Присутствуют сосна и береза. Городища Анюшкар, Рождественское, Саломатовское, селища Калино, Телячий брод расположены в южнотаёжной подзоне региона, селище Запоселье – в среднетаёжной подзоне региона. Упомянутые в статье памятники, кроме селища Телячий брод и городища Саломатово, находящиеся на территории с горным ландшафтом, относятся к территории с равнинным ландшафтом. Как отмечают исследователи, «Урал никогда не был серьезной границей или экологической преградой для пограничных видов животных, особенно птиц...» [Назаров, 2006, с.90]. Опираясь на знания особенностей региона и климата, мы можем судить о возможных особенностях хозяйства, поскольку, согласно Т.Н. Троицкой, исследование климатических условий в столь отдаленный период носит гипотетический характер и основывается на «общих характеристиках климата Евразии» [Троицкая, Новиков, 1998, с.3].

Прежде чем перейти к обобщению остеологических материалов, следует напомнить, что сведения об охоте и рыболовстве средневекового населения Пермского Предуралья и соседних районов содержатся в многочисленных источниках, например, у ал-Гарнати, ал-Масуди, В.Г. Тизенгаузена, Дж. Флетчера, Г.К. Котошихина. Ценную информацию предоставляют таможенные книги. Купцы, дипломаты, географы и историки, археологи и этнографы приводят сведения о быте, культуре, торговле средневекового населения Пермского Предуралья и Волжской Булгарии [Белавин, 1990, с.125–130; Флетчер, 2002; Котошихин, 1906, с. 7]. Анализируя эти сведения, можно определить, насколько важную роль в хозяйстве народов Предуралья играла охота и рыбная ловля. Так, в писцовых книгах XVII в. есть сведения о том, сколько зверей может добыть, например, один охотник-коми за короткий период: «...Только лишь один торговец пушниной В.Ф. Гусельников в 1652–1653 гг. предъявил в Устюжской таможене на продажу 1 067 соболей "сысольских"» [Таможенные книги..., т.2, с.173–174]; «Устюжанин Иван Матвеев совершил с 28 декабря 1679 г. по 17 июля 1680 г. четыре поездки на Сысолу и вывоз оттуда в общей сложности 15 240 шкурок белки, 124 – зайца, 463 – горноста, 31 – норки, 6 – выдры, 3 – куницы, 20 лап россомахи и шкуру лося» [Там же, т. 3, с.330]. Можно предположить, основываясь на географической близости территорий и сходном видовом составе животных, что их могли промысливать и носители средневековых культур Пермского Предуралья.

Действительно, среди костных останков диких животных, найденных в ходе раскопок па-

мятников ломоватовской и родановской культур, можно выделить останки лосей, белок, зайцев, куниц, медведей, бобров, лис, северного оленя и др. Например, Е.Г. Андреевой и А.Г. Петренко на городище Анюшкар было зафиксировано значительное количество костей (42,0%) от охотничье-промысловой фауны [Андреева, Петренко, 1976, с. 137 – 189]. Особая роль в хозяйстве таких животных, как лось (20,7%), северный олень (12,6%), бобр (32,0%), косуля (5,7%), кабан (3,5%), заяц (2,3%), свидетельствует о значении охоты, позволяющей получить мясные продукты и пушнину, являющиеся важным предметом экспорта на болгарские и южные рынки. Интересным является факт обнаружения костей кабана, подтверждающий, что данное животное также выступало в качестве объекта охоты.

Сведем остеологические данные, полученные при раскопках указанных памятников, в таблицы. В табл. 1 представлено количество костных останков, в табл. 2 и 3 – процентное соотношение останков диких и домашних животных относительно их суммарного количества, в табл. 4 – количество выделенных особей животных. В табл. 4 отсутствуют данные о числе особей, выделенных при анализе остеологического материала из раскопок Рождественского городища в 2008 – 2011 гг. Было исследовано 65884 кости животных. Из них 4637 костей (около 7%) принадлежало диким животным, 22979 – домашним (34%), 104 – собаке (0,1%), 481 – птице (0,7%); 129 – рыбе (0,2%). Неопределенными остались 36944 фрагментов костей (около 56% от всех останков животных).

В останках, определенных как кости диких животных, преобладали кости *лося* – 39% от всех костей диких животных. Очевидно, что главной целью охоты на лося было обеспечение мясной пищей, что отмечается большинством исследователей: «Ради мяса охотились на лося...» [Белафин, Крыласова, 2002, с.155]; «Охота на лося давала пищу и материал для одежды и обуви, что было важно в суровых условиях Севера» [Королев 2011, с.290]. Шкура лося могла использоваться для обивки лыж. Из костей, в том числе рогов, могли изготавливать различные орудия и предметы быта, например, наконечники стрел. Так как использовались и шкура, и кости, и мясо лося, тушу животного приносили с места охоты на поселение практически целиком.

Кости *бобра* составили около 36% от останков, определенных как кости диких животных. Это обусловлено тем, что мясо бобра употребляли в пищу [Путешествие Абу Хамида ал-Гарнати, 1971, с.102–103]. Шкура бобра использовалась для изготовления одежды, бобровую струю (ароматическое вещество, содержащееся в мешочках около заднего прохода бобра) применяли в медицине, из костей бобра, в частности, из таранных, делали амулеты. Таким образом, высокий процент костных останков этого животного обусловлен тем, что тушка бобра использовалась практически целиком.

Традиционно к останкам диких животных палеозоологи отнесли кости *северного оленя* (11%), хотя в последнее время исследователи все больше склоняются к мысли о существовании у средневекового населения Пермского Предуралья оленеводства, в частности, об использовании оленей в качестве ездового животного [Абдулова, Крыласова, Саранулов, 2012, с.19]. «Ради мяса охотились на ...северного оленя», кроме того, «северный олень, возможно, использовался не только на мясо, но и как ездовое животное...» [Белафин, Крыласова, 2002, с.155.], о чем свидетельствуют находки деталей упряжи на отдельных памятниках. Есть сведения о том, что диких оленей использовали в качестве оленей-«манщиков» на охоте [Симченко, 1964, с.76]. Шкуре и костям оленя также находили применение в хозяйстве: из рога и костей оленя изготовлены рукоять, кочедык и деталь ремизки, найденные на Рождественском городище.

В остеологическом материале присутствуют также кости *косули*, которые составляют всего 0,3% костей диких животных: «...в эпоху Средневековья широко была распространена косуля, в промысловой численности ареал ее расселения достигал правого берега реки Вишеры...» [Крыласова, 2010, с.24]. Несмотря на то что могли использоваться мясо, шкура и кости этого животного, место косули в промысле средневекового населения Пермского Предуралья, очевидно, было незначительно.

Из различных источников известно, что основным направлением присваивающего хозяйства у многих племён являлась именно *пушная охота*. Меха составляли важнейшую часть товаров, экспортируемых средневековым населением Пермского Предуралья. Объектом пушной охоты были преимущественно представители семейства кунных, такие как горностай, соболь, куница, норка, хорь, росомаха, барсук и др.

Кости *куницы* составили около 4% от останков, определенных как кости диких животных.

О.Г. Богаткиной отмечено, что кости куниц продолжают встречаться на памятниках, относящихся к разным археологическим культурам в Пермском Предуралье [Богаткина, 2003, с.255]. Как правило, у пушных зверьков ценность представляла шкурка – мех животного, а кости и мясо в большинстве своем не имели ценности, чем и может объясняться малое количество костных останков представителей данного вида на территории поселений. Как правило, на памятниках найдены отдельные кости. Например, нижние челюсти куниц, снабженные просверленными отверстиями, использовались в качестве амулетов. Они широко представлены в культурном слое поселений, иногда встречаются в мужских захоронениях в составе поясных подвесок. Из бедренных костей куницы изготавливались игольники и манки, также хорошо известные по поселенческим материалам.

Кости *норки* в отдельную группу не выделены. Среди костей, найденных на Рождественском городище, имеется кость *хоря*, который, как и норка, относится к роду хорьков. Н.Б. Крыласова, описывая объекты промысла средневекового населения Пермского Предуралья, отметила, что норка, безусловно, могла являться объектом промысла [Белавин, Крыласова, 2002, с.168]. Останки *росомахи* составляют 0,1% костей диких животных. Шкуры росомahi могли использоваться в быту и, кроме того, вероятно, служить предметом торговли: «лучшие меха росомahi вывозят оттуда и из Перми» [Флетчер, 2002, с.23]. В качестве амулетов иногда «использовались клыки ... росомahi» [Крыласова, 2001, с.94], а среди находок 2010 г. на Рождественском городище есть кость (*Os penis*) росомahi в виде амулета с просверленным отверстием [Крыласова, 2010, с.119]. Кости *барсука* составляют 0,06% костей диких животных: несмотря на то что мясо его съедобно, а из шкур вполне могла изготавливаться одежда, «нет упоминания об этих животных в исторических актах» [Богаткина, 2003, с.255]. «Все это свидетельствует о том, что данный вид мало преследовался человеком по сравнению с другими пушными животными и ему придавали небольшое значение как промысловому виду» [Там же]. Для изготовления амулетов иногда «использовались клыки ... барсука» [Крыласова, 2001, с. 94].

Останки *выдры* представлены небольшим количеством костей – 0,08% от костей диких животных. Считается, что мех выдры обладает высокой прочностью, поэтому шкурки ее вполне могли выступать в качестве товара. Несмотря на то что *соболь* упомянут в исторических источниках, в остеологическом материале исследованных памятниках кости его не выделены в отдельную группу. Ю.К. Николаев отмечает: «Интересен тот факт, что из собольих шкур, как говорят, "отхода" не было. В продажу шли и "лапки соболей", и "пупки соболей", и "хвосты соболей", которые шли отдельным товаром от "собольих шкур"» [Николаев, 2006, с.138]. По свидетельству ал-Гарнати, отдельные племена ели мясо соболей [Путешествие Абу Хаида ал-Гарнати, 1971, с. 33–34]. Для амулетов «использовались клыки соболя...» [Крыласова, 2001, с.94]. Кости *горностая* также не выделены в отдельную группу в остеологическом материале памятников ломоватовской и родановской культуры, однако у Ибн Баттуты находим информацию о том, что «шкурка горностая, стоившая в Предуралье 6-8 дирхемов или бусин, продавалась на рынках Азии за 1000 золотых динаров» [Тизенгаузен, 1884, с.297]. Мы можем предположить, что мясо и кости выдры, росомahi, соболя, норки и горностая не приносили на поселения за ненадобностью.

Кости *белки* составили около 3% костей диких животных. «В остеологической коллекции средневековья относительное обилие остатков белки характеризуется в среднем как третьестепенное, что, однако, не дает основания таким же образом оценивать значение этих зверьков в промысловой добыче животных Прикамья» [Богаткина, 2003, с.254]. Белчьи шкурки упоминаются в качестве валюты у многих народов. Есть свидетельство, что у некоторых племен употреблялось в пищу белчье мясо [Путешествие Абу Хаида ал-Гарнати, 1971, с.102–103]. Однако, как и в случае с другими промысловыми животными, добываемыми ради меха, кости и мясо белок могли не приносить на поселения за ненадобностью.

Добыча меха *лисы* велась и жителями Пермского Предуралья – кости лисицы составляют около 1% костей диких животных. Довольно частая находка – нижние челюсти лисы, реже – другие кости, однако мясо лисицы вряд ли использовалось в пищу. Челюсти служили в качестве амулетов [Крыласова, 2010, с.24]. *Волчи* клыки и кости – редкая находка, всего 0,02% костей диких животных. Из шкуры волка могли изготавливать одежду и различную утварь. К примеру, в начале XVI в., как свидетельствует Павел Иовий Новокомский, в торговый город Устюг из Перми привозят среди прочих мехов меха волков [Семенов, 1836, с.93]. Мясо волка, как правило, не употреблялось в пищу, поэтому не было необходимости приносить всю тушу животного на поселение. Клыки волка

могли использоваться в ритуальных практиках, так как с волком у разных народов связано много легенд, в которых объясняется роль этого животного.

Кости *медведя* – также редкая находка, всего 0,6% костей диких животных, хотя в БСЭ находим такие сведения: «Мясо медведя съедобно; жир и желчь используют в медицине, шкуру – на ковры». Однако в исторических и этнографических источниках медведь упоминается чаще всего в качестве священного животного. Охота на него – скорее ритуальная практика, чем повседневная потребность, например, в пище. Вероятно, этим можно объяснить малое количество костных останков медведя.

В остеологическом материале присутствуют кости *зайцев* – 2% костей диких животных. «Встречаются на поселениях и кости зайца, мех которого не имел высокой товарной стоимости и использовался для местных нужд, а мясо употреблялось в пищу» [Крыласова, 2010, с.24], хотя ал-Мукаддаси упоминает шкурки зайцев и в качестве предмета торговли волжских болгар [Хвольсон, 1869, с.181]. Несмотря на то что мясо зайца употреблялось в пищу, относительно малое количество костных останков может быть объяснено незначительным местом данного животного среди объектов охоты. Вероятно, имеются и другие причины этого.

Кости *рыси* отсутствуют в остеологическом материале, однако о торговле рысьим мехом находим у Флетчера [Флетчер, 2002, с.23], в Житии Стефана Пермского [Житие Святого Стефана..., 1993.], у Павла Иовия Новокомского [Семенов, 1836].

В проанализированном остеологическом материале присутствуют кости свиньи. Кости *кабана* выделены в отдельную группу в остеологическом материале городища Анюшкар Андреевой и Петренко [Андреева, Петренко, 1976, с. 137–189]. Безусловно, жители Пермского Предуралья «ради мяса охотились на ... кабана» [Белавин, Крыласова, 2002, с.155].

Как было отмечено, кости *птицы* составляют 0,7% (481 фрагмента) от всех костей животных. Подробные сведения о видовом составе птицы на данных памятниках отсутствуют. Судя по историческим источникам, объектами охоты могли выступать тетерева, глухари, рябчики, дикие гуси, утки и др. [Кириков, 1966, с.160; Трусман, 1896, с.4–7; Конаков, 1983, с.36–38]. Среди частых находок на поселениях встречаются манки из бедренных костей куницы, которые согласно этнографическим данным применялись при охоте на рябчиков.

Кости *рыбы* составляют 0,2% (129 фрагментов) от всех костей животных. Однако в культурном слое поселений встречаются также скопления рыбной чешуи, исследование которой показывает, что важным объектом рыбной ловли были осетровые (стерлядь, севрюга, белуга, осетр), лососевые (таймень, белорыбица), карповые (лещ, голавль, плотва и т.д), окуневые (окунь, судак) и тресковые (налим). Сом и щука также могли выступать объектами рыбной ловли [Крыласова, 2010, с.30–32]. Анализ питания средневекового населения Пермского Предуралья свидетельствует о том, что в хозяйстве «по-видимому, значительную, если не ведущую роль играло рыболовство» [Козлов и др., 2008, с.207].

Можно попытаться определить некоторые причины возникновения трудностей при установлении точных данных о присваивающем хозяйстве.

- 1) На сегодняшний день не все археологические памятники полностью исследованы.
- 2) Большинство костей сохранилось в виде фрагментов.
- 3) Отдельные кости послужили материалом для изготовления различных орудий и могли не попасть в статистическую обработку массового материала. «У народов Верхнего Прикамья с древних времен в качестве сырья широко использовались кость и рог сначала диких, а потом и домашних животных. Утилизировались, прежде всего, легко раскалываемые трубчатые кости лосей, северных оленей, позднее – коров и лошадей. <...> Обработывались также клыки и резцы диких и домашних животных, челюсти и берцовые кости кунных, таранные кости бобра, трубчатые кости птиц» [Ленин, 2002, с.220].
- 4) Как известно, до 1950-х гг. археологи отбирали для сохранения только целые и хорошо сохранившиеся образцы, а кости и другие биологические остатки многих прежних исследователей не привлекали [Холушкин, 2004, с.22]. Одним из первых кости для определения видовой принадлежности отправлял в Базель Рутимейеру А.Е. Теплоухов.
- 5) Можно предположить, что кости отдельных животных оставались недалеко от охотничьих избушек, так как зачастую пойманные животные подвергались первичной обработке самим охотником, а на городище уже приносили, например, шкуры и мясо [Крыласова, Подосенова, 2010,

с.23; *Ополовников*, 1983, с. 239]. Охотничьи избы известны у многих племен: «В Вишерской земле у каждого охотника были свои промысловые угодья, где он прокладывал путики и ставил самоловы. Там строились охотничьи избышки и лабазы для хранения добычи и припасов [*Кириков*, 1966, с.15]. Вероятнее всего, рыбаки, как и охотники, также разделяли добычу не в своих основных жилищах на территории городищ, а ближе к реке.

6) Можно предположить, что определить особенности и объемы охоты и рыбной ловли на основании особенностей ловушек и снастей трудно, так как деревянные охотничьи и рыболовные конструкции зачастую были расположены в труднодоступных лесных местах или возле водоёмов. Сведения об их количестве и назначении могут быть получены в ограниченном объеме [*Перелешин*, 1934, с.3].

7) Можно попытаться предположить, что часть остеологического материала могла оседать в виде принесенных жертв на святилищах и костницах: «Наиболее ранние небольшие костница находились на городищах ананьинской культуры, затем они были вынесены в рощи и существовали до VIII–X вв.» [*Бадер, Оборин*, 1958, с. 110–118; *Теплоухов*, 1899].

8) Кости животных могли использоваться в качестве топлива, так как при сгорании они хорошо выделяют тепло. К примеру, материалы раскопок Рождественского городища свидетельствуют, что наибольшие скопления костей в культурном слое отмечались вокруг металлургических комплексов.

Таким образом, мы проанализировали остеологический материал, полученный на ряде памятников ломоватовской и родановской культур. Исходя из процентного соотношения останков разных видов животных были определены важные объекты промыслов древнего населения этой территории: бобр, лось, северный олень, мелкие пушные животные. Остеологический материал, позволяющий выделить масштабы охоты на другие виды животных и рыбной ловли, крайне мал. По ряду указанных в данной статье причин он не может быть изучен в полном объеме. К сожалению, 56 % от всех останков животных остались неопределенными.

Анализ исторических источников позволяет в какой-то степени дополнить картину присваивающего хозяйства средневекового населения Пермского Предуралья. Многочисленные сведения о торговле помогают уточнить выделить основные объекты промысла и отчасти объёмы добычи видов животных: белки, куницы, соболя и др. Кроме того, особенности присваивающего хозяйства в конкретном регионе можно выявить, исследуя орудия охоты и рыбной ловли, например, наконечников стрел [*Белавин, Данич*, 2006, с.25–37].

Таблица 1

Остеологические данные по памятникам Пермского Предуралья, шт.

Вид животного	Памятник (год)					
	Рождественское городище (2005,2008–2012)	Запоселье (2004–2007)	Анюшкар (2005)	Калино (2011–2012)	Саламатово (2011–2012)	Телячий брод (2005)
Бобр	1334	1	23	13	283	16
Лось	870		39	29	891	16
Северный олень	342		3	23	164	7
Зяец	113	3	1	6	9	1
Лисица	44		4			
Белка	42			3	117	1
Медведь	22				7	1

Окончание табл. 1

Вид животного	Памятник (год)					
	Рождественское городище (2005,2008–2012)	Запоселье (2004–2007)	Анюшкар (2005)	Калино (2011–2012)	Саламатово (2011–2012)	Телячий брод (2005)
Косуля	16				2	
Куница	18		4		150	4
Росомаха	6					
Выдра	4					
Барсук	3					
Хорь	1					
Волк						1
Всего	2815	4	74	74	1623	47
Собака	95		3	3	2	1
Домашние копытные животные	19742	176	431	498	1899	233
Неопределенный	30427	503	219	881	5344	180
Всего млекопитающих	53079	683	727	1456	8868	461
Птица	311	2	5	16	145	2
Рыба	84		8		33	4

Таблица 2

Остеологические данные по памятникам Пермского Предуралья, %

Вид животного	Памятник (год)					
	Рождественское городище (2005,2008–2012)	Запоселье (2004-2007)	Анюшкар (2005)	Калино (2011-2012)	Саламатово (2011-2012)	Телячий брод (2005)
Бобр	47, 39	25	31,08	17,57	17,44	34,04
Лось	30, 91		52,7	39,19	54,90	34,04
Северный олень	12, 15		4,05	31,08	10,10	14,89
Зяец	4, 01	75	1,35	8,11	0,55	2,13
Лисица	1, 56		5,40			

Вид животного	Памятник (год)					
	Рождественское городище (2005,2008–2012)	Запоселье (2004-2007)	Анюшкар (2005)	Калино (2011-2012)	Саламатово (2011-2012)	Телячий брод (2005)
Белка	1,49			4,05	7,21	2,13
Медведь	0,78				0,43	2,13
Косуля	0,57				0,12	
Куница	0,64		5,40		9,24	8,51
Росомаха	0,21					
Выдра	0,14					
Барсук	0,11					
Хорь	0,03					
Волк						2,13
Всего	5,30	0,58	10,18	5,08	18,30	10,20
Домашние копытные животные	37,19	25,77	59,28	34,20	21,41	50,54
Всего млекопитающих	53079	683	727	1456	8868	461

Таблица 3

Остеологические данные по памятникам Пермского Предуралья, %

Вид животного	Количество костей, шт.	Процентное соотношение
Бобр	1670	36
Лось	1845	39
Северный олень	539	11
Зяц	133	2
Лисица	48	1
Белка	163	3
Медведь	30	0,6
Косуля	18	0,3
Куница	176	4
Росомаха	6	0,1
Выдра	4	0,08
Барсук	3	0,06
Хорь	1	0,02
Волк	1	0,02
Собака	104	0,1
Всего	4637	7%
Домашние копытные животные	22979	34 % от всех костей

Окончание табл. 3

Вид животного	Количество костей, шт.	Процентное соотношение
Млекопитающие	65274	
Птица	481	0,7 %
Рыба	129	0,2 %
Неопределенный	37554	56 %
Всего	65884	

Таблица 4

Остеологические данные по памятникам Пермского Предуралья, шт.

Вид животного	Памятник (год)					
	Рождественское городище (2005, 2008–2012)	Запоселье (2004–2007)	Анюшкар (2005)	Калино (2011–2012)	Саламатово (2011–2012)	Телячий брод (2005)
Бобр	20	2	8	7	37	4
Лось	18		3	9	40	1
Северный олень	11		1	6	25	1
Заяц	6	3	1	4	6	1
Лисица	4		1			
Белка	3			3	32	1
Медведь	2				5	1
Косуля					2	
Куница	2		1		35	4
Росомаха	1					
Выдра	1				1	
Барсук	1					
Хорь						
Волк						1
Всего:	69	5	15	29	183	14
Собака	4		1	3	2	1
Домашние копытные животные	132	60	43	72	219	11
Всего млекопитающих	205	65	59	104	404	26
Птица		2		5		

Библиографический список

- Абд ар-Рашид ал-Бакуви* Сокращение [книги о] „Памятниках“ и чудеса царя могучего / пер. З. М. Буниятова. М. 1971.
- Абдулова С.И., Крыласова Н.Б., Саранулов А.Н.* Редкие и уникальные изделия из кости и рога (по материалам раскопок городищ Пермского края 2008–2010 гг.) // Казанская наука. 2012. №9. С.14–26.
- Андреева Е. Г.* Домашняя и дикая фауна городища Анюшкар // Учен. зап. Перм. гос. ун-та. Пермь. 1960. Т. 12, вып. I.

- Андреева Е. Г., Петренко А. Г. Древние млекопитающие по археозоологическим материалам Среднего Поволжья и Верхнего Прикамья // Из археологии Волго-Камья. Казань, 1976.
- Бадер О.Н., Оборин В.А. На заре истории Прикамья. Пермь, 1958.
- Белавин А.М. О раннем этапе болгаро-пермских контактов // Ранние болгары и финно-угры в Восточной Европе. Казань, 1990.
- Белавин А.М., Крыласова Н.Б. Поздний железный век. Период средневековья в Предуралье IV–XV вв. // Очерки археологии Пермского Предуралья: учеб. пос. для студентов и аспирантов / под ред. А. М. Белавина. Пермь, 2002.
- Белавин А.М., Данич А. В. Костяные и железные наконечники стрел Рождественского археологического комплекса // Вестник музея археологии и этнографии Пермского Предуралья. Пермь, 2006. Вып. 1.
- Богаткина О.Г. Охотничий промысел на территории Прикамья в период раннего средневековья // Из археологии Поволжья и Приуралья. Казань, 2003.
- Житие Святого Стефана епископа Пермского / пер. с древнерус., предисл., прим., справ. матер. и коммент. Г.И. Тираспольского. Сыктывкар, 1993.
- Кёппен В.П. Климатоведение. Общее учение о климате. Девриен. СПб., 1912.
- Кириков С.В. Промысловые животные, окружающая среда и человек. М., 1966.
- Козлов И., Боринская С.А., Санина Е.Д., Лисицын Д.В., Вершубская Г.Г. Отражается ли характер традиционного питания Пермских и Волжских финнов в их генофонде? // Тр. Камской археол.-этногр. экспедиции. Пермь, 2008. Вып. 5.
- Конаков Н. Д. Коми. Охотники и рыболовы во второй половине XIX – начале XX в. // Культура промыслового населения таежной зоны Европейского Северо-Востока. М., 1983.
- Королев К.С. Предки коми-зырян: внутренний мир и окружающая среда // Экология древних и традиционных обществ. Тюмень, 2011. Вып. 4.
- Косинцев П. А., Пластеева Н. А. Крупные млекопитающие Камского Приуралья в голоцене // Бюл. Московского общества испытателей природы. Отдел биол. 2009. Т. 114, вып. 5.
- Котошихин Г. О государстве русском. 4-е изд. СПб., 1906.
- Крыласова Н.Б. Отчет о раскопках Рождественского городища в Карагайском районе Пермского края в 2010 г. Архив Музея археологии и этнографии Пермского Предуралья. Пермь. Ф. 1. Д. 124.
- Крыласова Н.Б. История Прикамского костюма: костюм средневекового населения Пермского Предуралья. Пермь, 2001.
- Крыласова Н.Б. Охота // Материальная культура средневекового Предуралья. Ч.2: Культура производства. Вооружение. Торговля. Пермь, 2010.
- Крыласова Н.Б. Рыболовство // Материальная культура средневекового Предуралья. Ч.2: Культура производства. Вооружение. Торговля. Пермь, 2010.
- Крыласова Н.Б., Подосенова Ю.А. Материальная культура средневекового Предуралья. Ч.1: Культура жизнеобеспечения: учеб. пос. Пермь, 2010.
- Ленц Г.Т. Косторезное производство в Верхнем Прикамье // Очерки археологии Пермского Предуралья: учеб. пос. для студентов и аспирантов / под ред. А. М. Белавина. Пермь, 2002.
- Назаров Н.Н. География Пермского Края. Ч.1: Физическая (природная) география: учеб.пос. Пермь, 2006.
- Николаев Ю.К. Из истории охоты коми-пермяков // Вестник Музея археологии и этнографии Пермского Предуралья. Пермь, 2006.
- Оборин В. А. К истории охоты и скотоводства у древних коми-пермяков // Учен. зап. Перм. ун-та. 1960. Т. 12, вып. 1.
- Ополовников А.В. Русское деревянное зодчество: Гражданское зодчество. М., 1983.
- Перелешин С. Д. Опальные самолеты на дичь. М., 1934.
- Путешествие Абу Хамида ал-Гарнати в Восточную и Центральную Европу (1131–1153 гг.) / публ. О.Г. Большакова, А.Л. Монгайт. М., 1971.
- Семенов В., Калистратов М. Библиотека иностранных писателей о России. СПб., 1836. Т. 1.
- Симченко Ю.Б. Культура охотников на оленей Северной Евразии: этнографическая реконструкция / отв. ред. И.С. Гурвич. М., 1976.
- Сиреллус У.Т. Путешествие к хантам / перев. с нем. и публ. Н.В. Лукиной. Томск, 2001.
- Таможенные книги Московского государства XVII в. Северный речной путь: Устюг Великий, Сольвычегодск, Тотьма в 1650–1656 гг. / под ред. А.И. Яковлева. М., 1951. Т.2.
- Таможенные книги Московского государства XVII в. Северный речной путь: Устюг Великий, Сольвычегодск, Тотьма в 1675–1680 гг. / под ред. А.И. Яковлева. М.; Л., 1951.Т. 3.
- Теплоухов Ф.А. Период древнейших костяк: Рукопись // Архив Пермского Краевого музея. 1899. № 11409/14.
- Тизенгаузен В. Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой орды. Т. I: Извлечения из сочинений арабских. СПб., 1884.

- Троицкая Т.Н., Новиков А.В. Верхнеобская культура в Новосибирском Приобье. Новосибирск, 1998.
Трусман Ю. Ю. Чудские письма // Исследование Ю. Ю. Трусмана. Ревель, 1896.
Флетчер Дж. О государстве русском / пер. М.А. Оболенского. М., 2002.
Хвольсон Д.А. Известия о хозарах, буртасах, болгарах, мадьярах и руссах Абу Али Ахмеда Бен-Омар ибн-Дада. СПб., 1869.
Холушкин Ю.П. Введение в археологическое науковедение. Новосибирск, 2004.
Ясманов Н.А. Популярная палеогеография. М. Недра, 1985

Дата поступления рукописи в редакцию 08.11.2014

SOME ASPECTS OF APPROPRIATING ECONOMY IN PERM REGION OF CIS-URALS IN VII–XV CENTURIES

E.A. Zherebtsova

Perm State Humanitarian Pedagogical University, Sibirskaya str., 24, 614990, Perm, Russia
kotkat888@mail.ru

The paper presents the results of the study of osteological material collected during the excavation of a number of the Lomovatov and Rodanov archaeological monuments in Perm region of Cis-Urals. The first hunters came to the region during the pre-glacial period; then, during the Neolithic revolution, appropriating economy was replaced by the producing one. In the 11th-12th centuries, fundamental changes took place in the economy of Perm region, especially the transition to plow farming was important. However, appropriating economy continued to play an important role among the population until the 19th century. The Cis-Ural region belongs to the zone of temperate latitudes; its flora and fauna are relevant to the features of climate. The author studied 65,884 animal bones. Among them, about 7% belonged to wild animals, 34% - to domestic animals. Among the bone remains of wild animals found during the excavations, we can distinguish the remains of beavers, mooses, reindeers. The remains of squirrels, rabbits, martens, bears, foxes, birds, fish, etc. are less represented. About 56% of all animal remains are not identified. Therefore, the knowledge of the appropriating economy of Perm medieval population remain incomplete. To present a more complete picture of Perm medieval economy and to highlight the main objects of hunting, the author presents the information from historical and ethnographic sources.

Key words: Perm region, the Middle Ages, appropriating economy, osteology, hunting, fishery.

References

- Abd ar-rashid al-Bakuvi Sokrashchenie [knigi o] „Pamyatnikakh“ i chudesa tsarya moguchego / per. Z. M. Buniyatova. M. 1971.
Abdulova S.I., Krylasova N.B., Sarapulov A.N. Redkie i unikal'nye izdeliya iz kosti i roga (po materialam raskopok gorodishch Permskogo kraya 2008–2010 gg.). *Kazanskaya nauka*. 2012. №9.
Andreeva E. G. Domashnyaya i dikaya fauna gorodishcha Anyushkar. Permskiy gosudarstvennyy universitet. Perm'. 1960. T. 12, vyp. I.
Andreeva E. G., Petrenko A. G. Drevnie mlekoopitayushchie po arkheozoologicheskim materialam Srednego Povolzh'ya i Verkhnego Prikam'ya. *Iz arkheologii Volgo-Kam'ya*. Kazan', 1976. S. 137 – 189
Bader O.N., Oborin V A. Na zare istorii Prikam'ya. Perm', 1958.
Belavin A.M. O rannem etape bolgaro-permskikh kontaktov. *Rannie bolgary i finno-ugry v Vostochnoy Evrope*. Kazan'. 1990.
Belavin A.M., Krylasova N.B. Pozdnyy zheleznyy vek. Period srednevekov'ya v Predural'e IV–XV vv. *Ocherki arkheologii Permskogo Predural'ya: ucheb. pos. dlya studentov i aspirantov* / Permskiy gosudarstvennyy pedagogicheskiy universitet; pod red. A. M. Belavina. Perm', 2002.
Belavin A.M., Danich A. V. Kostyanye i zheleznye nakonechniki strel Rozhdestvenskogo arkheologicheskogo kompleksa // Vestnik muzeya arkheologii i etnografii Permskogo Predural'ya. Perm', 2006. Vyp. 1.
Bogatkina O.G. Okhotnichiy promysel na territorii Prikam'ya v period rannego srednevekov'ya. *Iz arkheologii Povolzh'ya i Priural'ya*. Kazan', 2003.
Zhitie Svyatogo Stefana episkopa Permskogo / per. s drevnerus., predisl., prim., sprav. mater. i komment. G.I. Tiraspol'skogo. Syktyvkar, 1993.
Keppen V.P. Klimatovedenie. Obshchee uchenie o klimate. Devrien. SPb., 1912.
Kirikov S.V. Promyslovye zhivotnye, okruzhayushchaya sreda i chelovek. M. Nauka, 1966.
Kozlov I., Borinskaya S.A., Sanina E.D., Lisitsyn D.V., Vershubskaaya G.G. Otrazhaetsya li kharakter traditsionnogo pitaniya Permskikh i Volzhskikh finnov v ikh genofonde? *Trudy Kamskoy arkheologo – etnograficheskoy ekspeditsii*. Perm', 2008. Vyp. 5.
Konakov N. D. Komi. Okhotniki i rybolovy vo vtoroy polovine XIX – nachale XX v. Kul'tura promyslovogo

- naseleniya taezhnoy zony Evropeyskogo Severo-Vostoka. M. Nauka, 1983.
- Kotoshikhin G. O gosudarstve russkom, izd. 4, SPb. 1906
- Korolev K.S. Predki komi-zyryan: vnutrenniy mir i okruzhayushchaya sreda. *Ekologiya drevnikh i traditsionnykh obshchestv*. Tyumen', 2011. Vyp. 4.
- Kosintsev P. A., Plasteeva N. A. Krupnye mlekopitayushchie Kamskogo Priural'ya v golotsene. *Byul. Moskovskogo obshchestva ispytateley prirody*. Otdel biol. 2009. T. 114, vyp. 5.
- Krylasova N.B. Otchet o raskopkakh Rozhdestvenskogo gorodishcha v Karagayskom rayone Permskogo kraya v 2010 g. Arkhiv Muzeya arkheologii i etnografii Permskogo Predural'ya. Permskiy gosudarstvennyy gumanitarno-pedagogicheskiy universitet, Perm'. f. 1, d. 124.
- Krylasova N.B. Istoriya Prikamskogo kostyuma: kostyum srednevekovogo naseleniya Permskogo Predural'ya. Perm'. 2001.
- Krylasova N.B. Okhota. *Material'naya kul'tura srednevekovogo Predural'ya*. Ch.2: Kul'tura proizvodstva. Vooruzhenie. Torgovlya. Perm'. 2010.
- Krylasova N.B. Rybolovstvo. *Material'naya kul'tura srednevekovogo Predural'ya*. Ch.2. Kul'tura proizvodstva. Vooruzhenie. Torgovlya. Perm'. 2010.
- Krylasova N.B., Podosenova Yu.A. Material'naya kul'tura srednevekovogo Predural'ya: ucheb. pos. Ch.1. Kul'tura zhizneobespecheniya Perm', 2010.
- Lents G.T. Kostoreznoe proizvodstvo v Verkhnem Prikam'e / G.T. Lents. *Ocherki arkheologii Permskogo Predural'ya: ucheb. pos. dlya studentov i aspirantov* / Perm. gos.ped. un-t.; pod red. A. M. Belavina. Perm', 2002.
- Nazarov N.N. Geografiya Permskogo Kraya Ch.1. Fizicheskaya (prirodnaya) geografiya: ucheb.pos. / Perm. gos. un-t. Perm', 2006.
- Nikolaev Yu.K. Iz istorii okhoty komi-permyakov. *Vestnik Muzeya arkheologii i etnografii Permskogo Predural'ya*. Perm', 2006.
- Oborin V. A. K istorii okhoty i skotovodstva u drevnikh komi-permyakov. *Uchen. zap. Perm. un-ta*. 1960. T. 12, vyp. 1.
- Opolovnikov A.V. Russkoe derevyannoe zodchestvo: Grazhdanskoe zodchestvo. M., 1983.
- Pereleshin S. D. Opadnye samolovy na dich'. M, 1934.
- Puteshestvie Abu Khamida al-Garnati v Vostochnuyu i Tsentral'nuyu Evropu (1131–1153 gg.) / publ. O.G. Bol'shakova, A.L. Mongayta. M., 1971.
- Semenov V., Kalistratov M. Biblioteka inostrannykh pisateley o Rossii. SPb., 1836. T 1.
- Simchenko Yu.B. Kul'tura okhotnikov na oleney Severnoy Evrazii: etnograficheskaya rekonstruktsiya / otv. red. I.S. Gurchich; In-t etnografii im. N. N. Miklukho-Maklaya AN SSSR. M., 1976.
- Sirelius U.T. Puteshestvie k khantam / perev. s nem. i publ. N.V. Lukinoy. Tomsk, 2001.
- Tamozhennye knigi Moskovskogo gosudarstva XVII v. Severnyy rechnoy put': Ustyug Velikiy, Sol'vychevodsk, Tot'ma v 1650–1656 gg. / pod red. A.I. Yakovleva. M. 1951. T.2.
- Tamozhennye knigi Moskovskogo gosudarstva XVII v. Severnyy rechnoy put': Ustyug Velikiy, Sol'vychevodsk, Tot'ma v 1675–1680 gg. / pod red. A.I. Yakovleva. M.; L., 1951.T. 3.
- Teploukhov F.A. Period drevneyshikh kostishch: Rukopis'. *Arkhiv Permskogo Kraevogo muzeya № 11409/14*, 1899.
- Tizengauzen V. G. Sbornik materialov, odnosyashchikhsya k istorii Zolotoy ordy. T. I: Izvlecheniya iz sochineniy arabskikh. SPb., 1884.
- Troitskaya T.N., Novikov A.V. Verkhneobskaya kul'tura v Novosibirskom Priob'e. Novosibirsk, 1998.
- Trusman Yu. Yu. Chudskie pis'mena. *Issledovanie Yu. Yu. Trusmana*. Revel', 1896.
- Fletcher Dzh. O gosudarstve russkom / per. M.A. Obolenskogo. M., 2002.
- Khvol'son D.A. Izvestiya o khozarakh, burtasakh, bolgarakh, mad'yarakh i russakh Abu Ali Akhmeda Ben-Omar ibn-Dasta. SPb., 1869.
- Kholyushkin Yu.P. Vvedenie v arkheologicheskoe naukovedenie. Novosibirsk, Redaktsionno–izdatel'skiy Sovet Novosibirskiy gosudarstvennyy universitet, 2004.
- Yasmanov N.A. Populyarnaya paleogeografiya. M., 1985.